С.В. Думин, Москва

ГЕРАЛЬДИКА ЛИТОВСКО-ТАТАРСКОГО ДВОРЯНСТВА XVI-XX ВВ. [1]

Литовские татары как группа служилых людей Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) сформировались в конце XIV – начале XVI вв. из числа переселенцев из татарских орд и пленных. Польский хронист Ян Длугош и литовские исторические сочинения XV–XVII вв. связывают появление татар в Литве с походом великого князя Витовта 1397 г. (направленного против улусов, враждебных литовскому союзнику хану Тохтамышу, который в 1395 г. вместе с приближенными нашел убежище в Литве). Витовт поселил пленных в окрестностях Вильно (совр. Vilnius) и Трок (Trakai), пожаловав им земли с обязанностью военной службы. На тех же условиях земли получали и довольно многочисленные добровольные переселенцы (царевичи, князья и рядовые воины-ордынцы). Им была обеспечена свобода вероисповедания, разрешено строить мечети. Важнейшей привилегией служилых татар стало право владеть крепостными крестьянами (и пожалованными, и приобретенными). Первоначально разрешались и смешанные браки (женитьба татар-мусульман на христианках, причем потомство, как правило, сохраняло веру отцов); им обычно приписывают и быструю утрату литовскими татарами родного языка (славянизация завершилась к середине XVI в.). Позже некоторые из них поступают на службу к магнатам, получая от них пожалования на сходных условиях; так, в частности, возникло поселение литовских татар в Ювковцах (под г. Острогом) на Украине в первой половине XVII в. В 70-е гг. XVII в. несколько литовско-татарских отрядов получают от короля Яна III несколько сел и деревень в королевских имениях (на территории современных Белостокского и Седлецкого воеводств Польши). К XVII в. у татар окончательно складываются фамилии, обычно патронимического типа – (Ассанович, Байрулевич, Мустафич, Рызванович) или восходящие к названиям принадлежащих семье земельных угодий (Кричинский, Фловчицкий, Лостайский, Малюшицкий и т. д.); некоторые семьи произвольно приняли фамилии отдельных родов ВКЛ – (Бутлеров, Довгялло, Скирмунтов) и т. д.

По законам ВКЛ, служилые татары пользовались основными имущественными и судебными правами шляхты (в том числе важнейшим – правом владеть крестьянами), но, сохраняя мусульманскую веру, не получили политических привилегий, прежде всего права участия в выборах короля, в работе сеймиков и сейма [2].

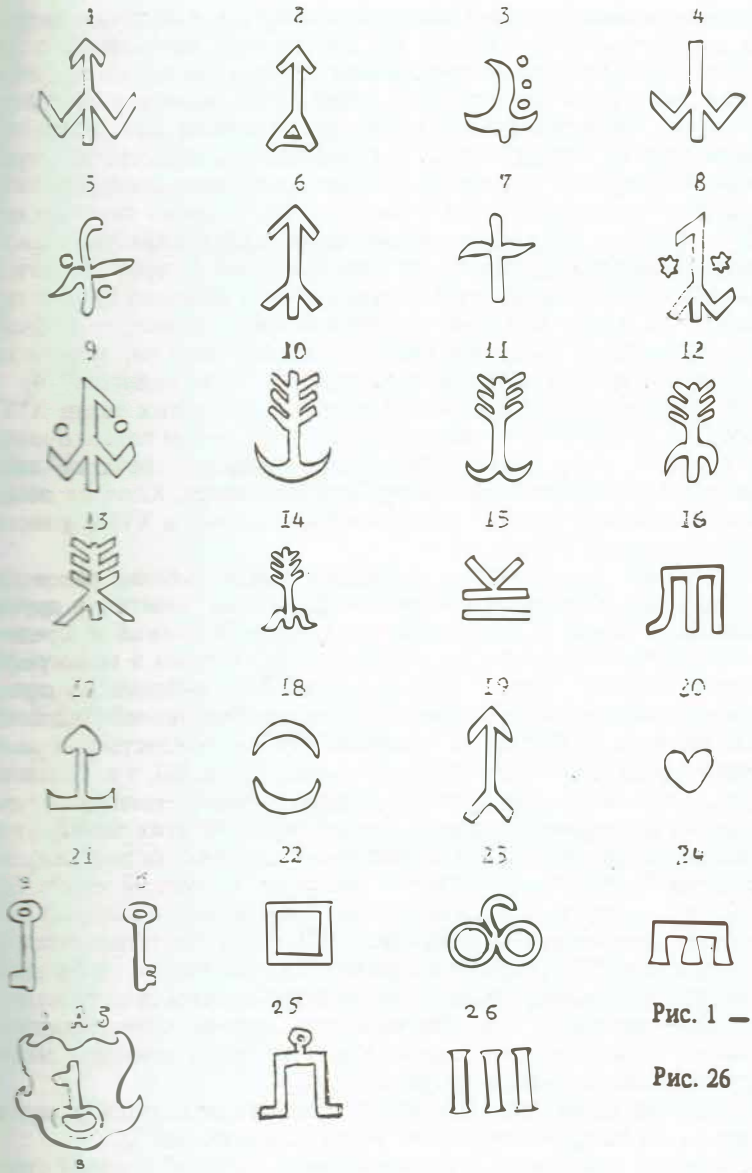

Рис. 1 –

Рис. 26

Известно немало печатей литовских татар на земельных актах и других документах XVI–XVIII вв. [3]. Анализ этих памятников позволяет констатировать, что на протяжении нескольких веков литовско-татарская геральдика представляла собой в ВКЛ довольно обособленное явление. Вероисповедание стало препятствием для включения татарской шляхты в состав польско-литовских геральдических родов. Анонимный автор антитатарского памфлета, опубликованного в Литве в 1616 г. под псевдонимом Петра Чижевского, обвиняя татар во всех смертных грехах и отрицая их право именоваться шляхтой, писал в частности: "здесь их ни один пан или шляхтич к гербу своему не принял, ибо ни один татарин шляхетского герба не имеет на печати, а только клейма свои, выдуманные и природные, имеют, – кобыльи хвосты, козьи рога, конские копыта, свиные щетины, верблюжьи горбы, – вот татарские гербы, великолепные и им подходящие" [4].

Действительно, изображения на печатях литовских татар XVI – XVIII вв. (рис. 1–26) нельзя отождествить с известными польско-литовскими гербами, хотя порой эмблемы на татарских печатях почти совпадают с польско-литовскими гербами (например, ключ на печати литовской ветви крымского рода князей Ширинских в XVI в. напоминает герб Ясеньчик) [5] (рис. 21).

Заслуживает пристального внимания связь эмблем литовских татар с тамгами, известными по золотоордынским монетам и другим памятникам, а затем бытовавшими у народов Поволжья и Средней Азии. Любопытные примеры их совпадения приведены в монографии историка литовских татар С. Кричинского. Так, эмблема на печати одной из ветвей литовско-татарского рода кн. Петровичей-Найманов, возглавлявших в ВКЛ один из татарских стягов, тождественна тамге киргизского рода кара-керис племени найман [20, с. 86], и т. п. Вполне вероятно, что и некоторые другие эмблемы литовско-татарских печатей восходят к родоплеменным эмблемам предков этих семей, употреблявшимся до выезда в ВКЛ. В некоторых случаях эти изображения превратились в устойчивые родовые эмблемы. Примером может служить знак на печати чингизидов, князей Уланов-Асанчуковичей (рис. 15), впервые отмеченный на документе 1520 г. и употреблявшийся их потомками еще в XIX в. наряду с официально заявленным гербом (рис. 36). Иногда родовая эмблема частично видоизменялась представителями отдельных ветвей многочисленного рода, являясь одновременно и родовым, и личным знаком владельца печати. Яркий пример – эмблемы на печатях кн. Найманов (см. рис. 1–14).

Это явление характерно для многих раннегеральдических систем (вспомним хотя бы трансформацию "знака Рюриковичей").

Являлись ли эти личные и родовые знаки гербами? С одной стороны, геральдика татар ВКЛ в XV–XVIII вв. не была прямо связана с

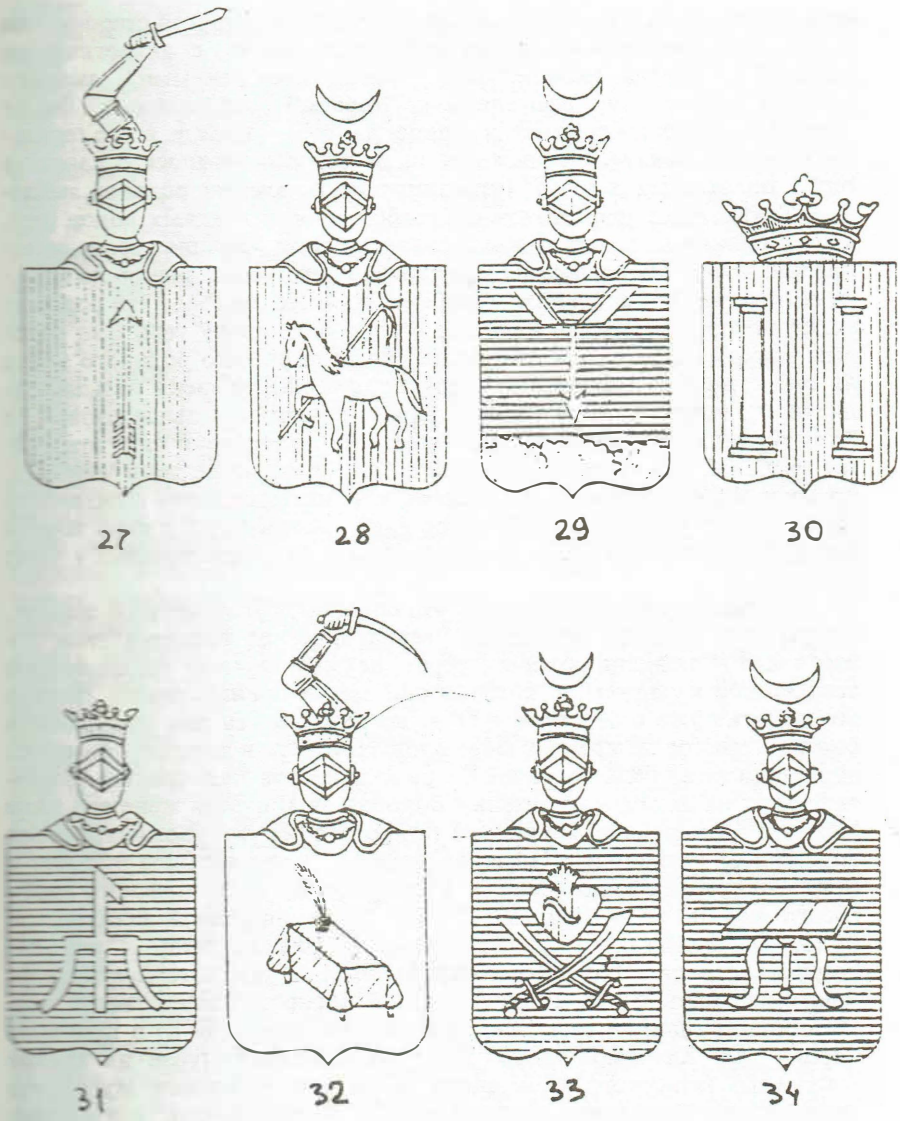

Рис. 27 — Рис. 34

польско-литовской геральдической системой. Но с другой стороны, эти знаки функционировали в местной среде наряду с аналогичными (далеко не всегда окончательно "геральдизированными") знаками местной шляхты, так называемыми "гербами собственными" (herby własne). В это время родовая геральдика в ВКЛ – прежде всего геральдика личной печати. Изображение на печати осознавалось в качестве герба, превращалось в герб (утвердившись в качестве родовой эмблемы). Таким было происхождение гербов многих местных родов (тех, кто не принял польские гербы и сохранил свои прежние геральдические эмблемы). Аналогичной была судьба и некоторых знаков на татарских печатях. В "геральдизированной" шляхетской среде эти родовые знаки воспринимались в качестве гербов (поскольку герб был родовым знаком и другого обозначения для шляхетского родового знака не существовало; мещанские и другие плебейские знаки назывались иначе – "гмерки", т. е. марки). Даже приведенная выше цитата из "Альфуркана" косвенно подтверждает это. Иронизируя над татарскими гербами, доказывая, что татары не пользуются теми гербами, которые имеет христианская шляхта, т. е. находятся вне шляхетской геральдической системы ВКЛ, автор явно полемизирует с иной точкой зрения (иначе к чему было оспаривать сам факт существования у татар гербов?).

Документы свидетельствуют, что подобно другой местной шляхте, татары ВКЛ усвоили некоторые "геральдические представления", в том числе – понятие родового герба, важный элемент традиционной шляхетской культуры, к которой они также принадлежали. Именно это понятие уже в середине XVI в. использовалось для обозначения родовых знаков по крайней мере представителями аристократической верхушки татар ВКЛ. В купчей Петра Андреевича Кадышевича 16 марта 1558 г., на данников в имении Поколин за Минском жене его дяди Махмета Кадышевича, хорунжего татарского (из уже упоминавшегося рода князей Петровичей-Найманов) читаем: "и для лепъшое тведости я Петр Анъдреевич Кадышевич ... к сему моему листу власного гербу своего печать свою приложил" [6]. Из традиционной шляхетской культуры проникло в представления литовских татар и понятие "гербового рода". Во всяком случае, именно так интерпретируется принадлежность к одному роду (князей Ялоиров, наследственно возглавлявших один из татарских стягов-ополчений в ВКЛ) в привилее короля Яна Казимира князю Яхъе Ахметьевичу Мурзе на звание хорунжего татарского ялоирского после князя Эльяша Мустафича Заблоцкого, "брата его гербового" [7]. К сожалению, неизвестно, подкреплялось ли это "гербовое братство" в данном случае употреблением на печатях общей геральдической эмблемы (в XIX в. род Заблоцких доказал дворянство с гербом Иллория [8], название которого явно происходит от их старого родового, точнее даже племенного, имени

Клоир; к сожалению, рисунок этого герба пока неизвестен).

Любопытные ситуации и возникали порой на стыке польско-литовской и тюркской (в том числе крымской) родовой геральдики. В 1747 г. полковник татарской хоругви Александр Довгялло вынужден был судиться с другим представителем татарской знати, полковником Александром Уланом, отрицавшим его право на титул мурзы (которым в принципе в ВКЛ пользовалась только татарская знать). Довгялло поступил так, как должен был поступать по закону каждый шляхтич, чей род происходил из другой страны, если кто-то оспаривал его принадлежность к благородному сословию: обратился к "зарубежным" сородичам. В Крыму он получил письменное свидетельство ногайских и ширинских мурз, согласно которому его предок Алым "при хане его величестве Тохтамыше" был послан в Литву к великому князю Витовту; мурзы признали его своим "братом", подтвердили право на титул и герб "именуемый Кайшылы". По-татарски название этого герба означает "ремни". Изображение на щите герба Кайшылы (Kayszyly), с которым эта семья доказала дворянство в Виленской губернии в 1819 г. (рис. 26) [9], явно восходит к трем полосам-ремням на родовой тамге. Любопытно, что на этом примере можно отметить одно совпадение польско-литовской и тюркской геральдической системы. Польская геральдика уже в средние века оперирует не только изобразительными средствами. Существует "фонетический эквивалент" герба – "proclamatio", первоначально боевой клич, затем просто название герба, способное вызывать его зрительный образ у слушателей, знакомых с геральдической системой. Но и тамги имеют названия, от родового знака династии Гиреев (тарак-тамга, буквально – "гребень"), до традиционных знаков среднеазиатских племен и родов. Довгялло заимствовали у крымских родичей не только рисунок, но и название тамги, под тем же именем существующей ныне в качестве польско-литовского герба, причем считали (и в принципе это не было ошибкой) эту тамгу своим гербом, т. е. руководствовались традиционными для шляхты ВКЛ геральдическими представлениями.

Однако до конца XVIII в., хотя некоторые татарские родовые знаки уже фактически являются гербами, они еще не интегрированы окончательно в традиционную местную геральдику. В отличие от других стран, Речь Посполитая не имела официальной Герольдии, и функцию регистрации гербов (в самом прямом смысле этого слова, т. е. регистрации факта существования герба, а не права на герб) взяли на себя "частные лица" – авторы "Гербовников", создававшихся в XVI–XVIII вв. справочных изданий по шляхетской генеалогии и геральдике. Эти гербовники (Окольского, Папроцкого, Несецкого и др.) еще не упоминают семьи татар-мусульман (впрочем, в них были включены далеко не все гербы даже христианской шляхты, многие фамилии были пропущены), да большинство татарских семей и не

имеет по-настоящему стабильных родовых эмблем. А между тем, именно регистрация (пусть даже неофициальная) гербов придает им стабильность; известны случаи, когда под влиянием гербовников шляхетские семьи отказываются от прежних, собственных, гербов и принимают польские гербы, которыми пользовались упоминаемые в этих книгах однофамильцы. Т. е. происходит "неформальная" стабилизация польско-литовской геральдики (сопровождавшаяся унификацией и утратой многих самобытных геральдических памятников). Вплоть до конца XVIII в., однако, этот процесс почти не затрагивает татар ВКЛ (хотя их гербы уже используют, например, традиционные геральдические формы щита, дворянской короны, отчасти и символику, но это происходит пока как бы параллельно основным процессам, протекавшим в местной геральдике).

Ситуация коренным образом меняется после разделов Речи Посполитой. Приобретение подавляющим большинством литовско-татарских семей своих гербов относится именно к этому периоду и связано с определением сословной принадлежности их (как и остальной шляхты) на землях, присоединенных к Российской Империи.

Как и остальная шляхта, татары должны были доказать свои дворянские права в губернских депутатских дворянских собраниях, чьи решения затем подлежали утверждению петербургской Герольдией. При этом право на герб считалось традиционным атрибутом шляхетства и не рассматривалось отдельно. Поскольку в соответствии с привилегиями, полученными от литовских великих князей и закрепленными в многочисленных законодательных актах, все литовские татары были признаны шляхтой и внесены в родословные книги литовско-белорусских и украинских (Волынской и Подольской) губерний или утверждены в дворянстве Герольдией Царства Польского, одновременно в большинстве случаев были впервые официально зарегистрированы употребляемые ими гербы.

Поскольку литовские татары признавались шляхтой и определения собраний по отдельным семьям, как правило, содержали ссылки на права, в ВКЛ "народу их предоставленные", отсутствие у них гербов представлялось бы чем-то неестественным, и доказательству дворянств (как и у остальной местной шляхты) предшествовало составление или "разыскание" герба (иногда в семейных документах, а чаще в печатных гербовниках).

По материалам дел о дворянстве литовско-татарских родов [10] удалось выявить около сотни гербов (включая разновидности) более 160 родов татарской шляхты, включая и семьи общего происхождения, заявившие разные гербы, и употреблявшие одинаковые гербы однофамильцев (их список мы надеемся опубликовать отдельно). До сих пор неизвестны гербы примерно 30 татарских шляхетских семей, продолжавших существовать в XIX–XX вв.

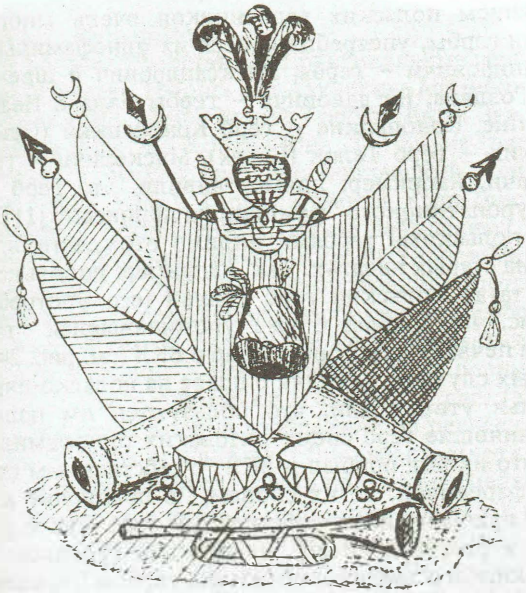

Рис. 35

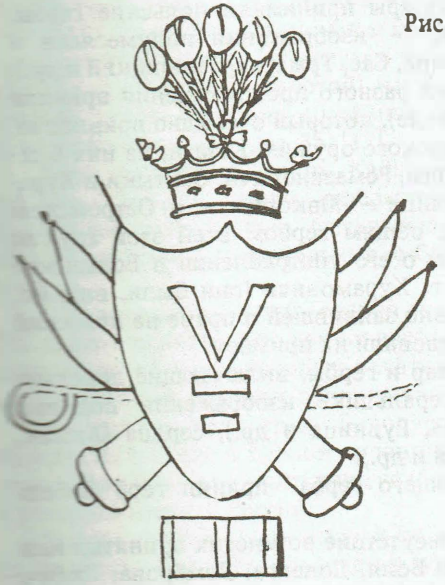

Рис. 36

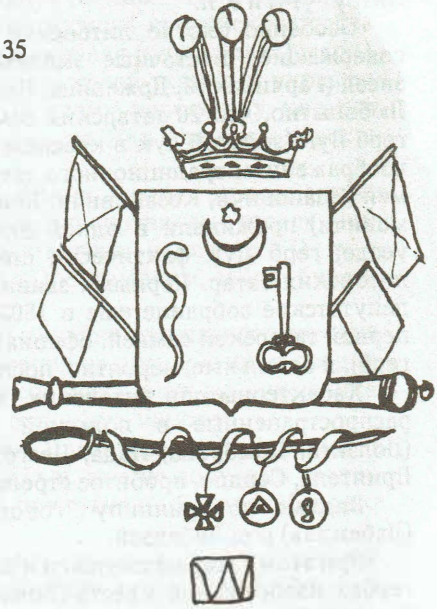

Рис. 37

Под влиянием польских гербовников очень многие татарские семьи приняли гербы, употреблявшиеся их однофамильцами-христианами (Александровичи – гербы Александрович и Шренява, Богушевичи – герб Гоздава, Богдановичи – гербы Лада и Незгода, Вороновичи – герб Лис, Конопацкие – герб Конопацкий (Отвага), одна из семей Корицких – герб Телок (Ciolek), Мискевичи – герб Правдзиц и т. п. Илясевичи, например, прямо заявили, что герб Илговский в гербовнике Куропатницкого "фамилии их приписан" [11].

Иногда с польскими гербами видимо отождествлялись сходные изображения на старых печатях. Так, например, довольно популярный у литовских татар польский герб Радван (его употребляли восемь семей; см. рис. 46), сходен с уже упоминавшейся "тарак-тамгой", известной и на печатях некоторых татар в ВКЛ (см. рис. 24).

В некоторых случаях, заявляя о праве на польско-литовский герб, татарские семьи утверждали, что пользуются им издавна. Татары Халецкие, принявшие герб своих литовских однофамильцев (Chalecki), заявили, что их род прибыл в ВКЛ "с собственным своим гербом" [12], семья Сафаревичей, по их словам, "в правление князей литовских в Литву прибыла, имея собственный герб Лук с расщепленной стрелой" [13], а род Алиевичей "находясь в турецком государстве, удостоен дворянского звания и пользуясь гербом Стржалой, прибыл в Литву" [14] и т. п.

Особенно охотно литовские татары принимали польские гербы, содержащие "восточные эмблемы" – изображения полумесяцев и звезд (Гарчинский, Држевица, Лелива, Сас, Тржаска, Уляницкий и др.). Любопытно, что 20 татарских семей разного происхождения приняли герб Лук (золотой лук в красном поле), который очевидно привлек их изображением традиционного татарского оружия. Кстати, из них 6 семей (Здановичи, Козакевичи, Леляки, Ромазановичи, Солтыки и Хурамовичи) проживали в одной околице – Ювковцы – в Острожском уезде; герб Лук фактически стал общим гербом всей этой группы литовских татар. Первыми заявили о его употреблении в Волынское депутатское собрание еще в 1802 г. Хурамовичи (они были, видимо, первой татарской семьей, официально заявившей о праве на польский герб), и остальные, вероятно, последовали их примеру.

Характерны для литовских татар и гербы, включающие довольно распространенные в польской геральдике изображения подковы (Долэнга, Домброва, Лада, Незгода, Рудница и др.), сердца (Акшак, Приятель, Сердце, пробитое стрелой и др.).

Видимо по принципу "говорящего герба" принял герб Лебедь (Лабендзь) род Лебедзей.

При этом татар не смущало и присутствие во многих принятых ими гербах изображений креста (Божья Воля, Доленга, Домброва, Любич, Радван, Шреняева и др.), животных (Алябанда, Амадей, Боньча, Лебедь, Лис и др.) и даже людей (Годземба, Наленчь, Погоня-I, Погоня-III

и др.), хотя ислам их запрещает.

Наибольший интерес представляют оригинальные гербы татарской шляхты. Их пока известно 19 (рис. 27): Азулевич, Ассанович (рис. 1–9), Араж, Ахмат, Беляк (рис. 28-30); Белый Тюрбан (Бялы Завуй) (рис. 35), Иллорыя, Кайшылы (рис. 26), Корица (рис. 37); Кьена (рис. 31), Лук и три стрелы, Мохырын, Мухля (рис. 38), Поплавский, Сеит, Столовые Ножки (вариант герба Улан), Тарак, Туган и Улан (рис. 32–34), не считая геральдически оформленных, но не заявленных официально родовых эмблем (см. гербовую печать князей Уланов-Малюшицких с их родовой эмблемой – рис. 36), одновременно употреблявшихся некоторыми семьями. К сожалению, изображения гербов Иллорыя, Мохырын, Сеит неизвестны; приведенные же в гербовнике С. Дзядулевича рисунки гербов Корица и Поплавский [15] не верны. Первый из них совпадает с родовой эмблемой кн. Уланов (см. рис. 15), в действительности Корицкие герба Корица изображали на печатях в XIX в. тот герб, который Дзядулевич приписывает Поплавским (хотя на документе 1774 г., который он использует, печать приложил именно Корицкий; из этого, кстати, видно, что данный герб имеет реальный геральдический прототип). По всей вероятности, воспроизводит первоначальный рисунок на печати герб (рис. 38) на родословном древе семьи Мухля [16]. Название герба Гембицких Бялы Завуй (Белый Тюбан) не соответствует изображению (на определении Виленского дворянского собрания 1819 г.): на щите в червленом поле малиновая (пурпурная?) шапка, напоминающая феску, обернутая снизу полосатой тканью и украшенная наверху желтой (золотой) кистью и тремя перьями, у которых среднее желтое (золотое), а крайние лазуревые. Над шлемом и короной три страусовых пера (рис. 35) [17].

Часть этих гербов (Беляк, Кайшылы, Кьена, Улан) – видимо старые эмблемы данных семей, оформленные по правилам геральдики, иногда видоизмененные. Остальные составлены в начале XIX в. и обычно включают ориентальные эмблемы (полумесяцы, сабли, бунчук и т. п.).

Оформление татарских гербов очень типично для данного региона. Это вполне понятно, так как их изображения на определениях дворянских собраний и на гербовых печатях исполнены теми же художниками и резчиками, которые обслуживали остальную шляхту.

На территории Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины и Царства Польского в первой половине XIX в. еще не получили распространения образцы оформления гербов, принятые в Общем гербовнике и утвердившиеся в России.

Продолжая традиции старых польских гербовников, отличавшихся значительным разнообразием в оформлении отдельных гербов, и в еще большей степени – традиции полупрофессиональных рисунков,

исполнявшихся доморощенными мастерами, художники, работавшие в дворянских собраниях, резчики, изготовлявшие печати для местного дворянства, руководствовались не столько строгими правилами геральдики, сколько собственным вкусом и разумением. Заметное влияние на стиль этих изображений оказала эпоха, господствующие течения в живописи и архитектуре. Характерное для этого времени любование военными атрибутами отразилось и в оформлении гербов. Часто щит окружен знаменами, пушками, шпагами, трубами, барабанами; нередко на гербовых печатях под щитом изображались и ордена и даже медали их владельцев (см. рис. 37), что, кстати говоря, может облегчить идентификацию. Нередко щит обрамлен венком из дубовых и пальмовых или лавровых листьев. В "Гербовнике Царства Польского" и на определениях Белостокского дворянского собрания обычно отсутствует намет (см. рис. 27–34). На определениях Минского собрания намет изображался постоянно, но при этом, в нарушение правил геральдики, цвета намета не согласованы с цветами щита. Еще одна довольно типичная ошибка в оформлении – отождествление правой геральдической стороны с правой стороной листа, в результате некоторые гербы на определениях даны фактически в зеркальном изображении (впрочем, ошибки такого рода санкционировал даже "Гербовник Царства Польского", признавая изображения такого рода вариантами основного герба и закрепляя их за некоторыми шляхетскими фамилиями). Аналогичные ошибки встречаются и на печатях. Не всегда точно определялся цвет поля щита. Иногда это объяснялось тем, что старые польские гербовники, которыми пользовались дворянские собрания, сообщали варианты цвета. В определении о татарском роде Мискевичей герба Правдзиц в Минском собрании (1821 г.) при описании герба сделана оговорка: "в поле лазурном (а у некоторых в белом)" [17]. Иногда художники расцвечивали щит произвольно, например, герб минского татарского рода Абрагимовичей, – Уляницкий, – в одном и том же деле изображен и в красном поле, и, – ошибочно, – в сером [18] и т. п.

Гербы на определениях о татарских семьях, признанных собраниями в княжеском достоинстве (Ловчицких, Корицких, Уланов-Малюшицких, Юшинских и др.) или именуемых в определениях собраний "татарами из князей" и также употреблявших этот титул – (Алиевичей, Вёсновских, Ждановичей, Курмановичей, Мусичей, Обулевичей и др.) не содержат в оформлении никаких дополнительных элементов. Но позже, хотя Департамент герольдии их титулов не утвердил, некоторые семьи, – Кричинские, Туган-Барановские, – употребляли на печатях и варианты герба, зафиксированные гербовником С. Дзядулевича и включающие княжескую корону и мантию [19]. Встречаются на печатях и щитодержатели.

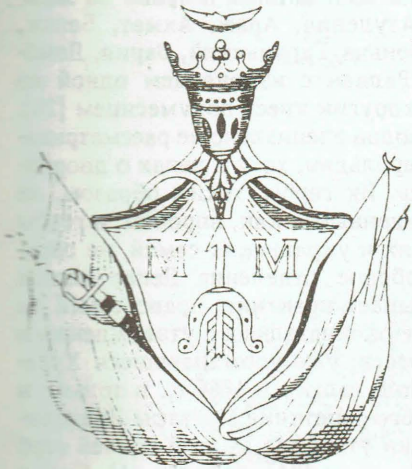

Рис. 38

Рис. 39

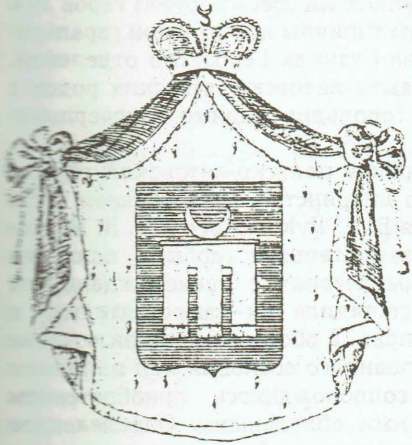

Рис. 40

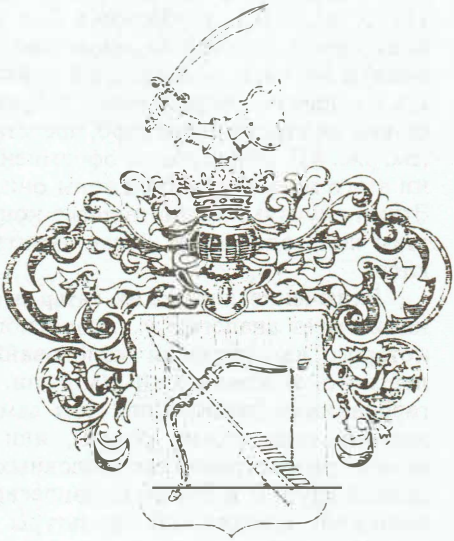

Рис. 42

16 татарских семей были утверждены в дворянстве Герольдией Царства Польского, официально признавшей за ними и право на заявленные гербы, как самобытные – Азулевич, Араж, Ахмат, Беляк, Квена и др., так и чисто польские – Боньча, Гарчинский, Варня, Домброва, Окминский, Радван, а также Радван с изменением одной из ветвей Кричинских, заменивших на хоругви крест полумесяцем [20]. Права на гербы остальных татарских родов специально не рассматривались петербургским Департаментом герольдии, хотя в делах о дворянстве сведения о гербе фиксировались. Их гербы, таким образом, не могли считаться окончательно утвержденными, как, впрочем, и гербы многих других литовских, белорусских и украинских семей, не обращавшихся по этому вопросу в Гербовое отделение Департамента герольдии. Тем не менее, как показывает практика, право семей на гербы, заявленные в собраниях, после окончательного утверждения в дворянстве не оспаривалось. В частности, уже упоминавшиеся Хурамовичи были утверждены в дворянстве только в 1866 г., и только в 1915 г., согласно прошению коллежского советника Мустафы Ивановича Хурамовича, Департамент герольдии утвердил за этой семьей герб Лук и внес его в XX т. Общего гербовника [21] (см. рис. 41). Еще в 1899 г. в XVII т. гербовника был внесен герб подполковника Льва Бекировича Ассановича, записанного (по ордену Св. Владимира 4 степени) в 3-ю часть родословной книги Гродненской губернии. Не ссылаясь на прежние определения собраний по его семье, Ассанович представил на утверждение герб, представляющий собой вариант герба Лук (см. рис. 42). Оба герба по оформлению типичны для русской геральдики этого времени; изображены они на бланках Гербового отделения. Этими случаями плодотворные контакты литовско-татарских родов с этим подразделением Департамента герольдии видимо и исчерпываются.

Включение литовских татар в орбиту польско-литовской геральдики имеет аналогию у украинского дворянства, значительная часть которого, как показали исследования В. К. Лукомского и В. Л. Модзалевского, в конце XVII–XVIII вв. заимствовала гербы в польских гербовниках (подкрепляя тем самым легенду о происхождении от знатных шляхетских родов), или составила их самостоятельно в момент рассмотрения его сословных прав. В обоих случаях включение данной группы в состав привилегированного сословия под влиянием польской шляхетской культуры сопровождалось приобретением гербов по образцу групп, издавна ими обладавших. Определенное различие состоит в том, что приобретение гербов представителями феодализированной украинской казачьей старшины знаменовало собой тенденцию к ее превращению в высшее сословие, тогда как у литовских татар появление польских гербов, в подавляющем боль-

Проектъ герба рода Дворянъ
Хурмановичей
грв. 300.
грв. 300.
грв.
Управляющій Гербовымъ Отдѣленіемъ Вукомскій
Членъ Консультантъ Н. Д. Мурга
Согласенъ
Гр. Ал. Толстой
14/15
За Сенатора В. Кандаурова.

Рис. 41

шинстве случаев заменивших прежние родовые эмблемы, символизировало окончательное слияние с остальной шляхтой ВКЛ и Польши. При этом не следует думать, что приобретение гербов в момент рассмотрения прав на дворянство наблюдалось только у татарских семей. Есть основания полагать, что в начале XIX в. в польско-литовской геральдике произошли определенные изменения, связанные с уже упоминавшимся безразличием собраний к заявляемым шляхтой гербам, а также к родовым прозваниям. Немало семей, в том числе издавна употреблявших определенные гербы, вносило в них изменения или заменяло другими призванными подкрепить претензии на более знатное происхождение, титул; довольно типично, например, употребление гербов титулованных семей их нетитулованными однофамильцами и т. п. (немало подобных примеров содержат, например, списки дворян Царства Польского)[21]. Таким образом, можно констатировать, что и после вхождения исследуемой территории в состав Российской империи в местной геральдике протекали определенные процессы, несомненно заслуживающие специального изучения. Многие из них рассмотрены здесь на примере литовских татар, с учетом, разумеется, специфического положения этой группы.

Как было сказано, лишь незначительная часть гербов, заявленных литовскими татарами, была закреплена за ними специальными правительственными решениями. Но и остальные гербы продолжали употребляться в быту, изображаться на печатях и других предметах, и несомненно, составляют важный элемент родовой традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доклад был впервые прочитан на XXI международном конгрессе по генеалогии и геральдике в Люксембурге (1 сентября 1994 г.); краткие тезисы были опубликованы (на франц. яз.) в сборнике, выпущенном перед конгрессом.

2. Подробнее см.: Думин С. В., Канапацкий И. Б. Белорусские татары: Прошлое и настоящее. Минск, 1993 (белорусск. яз.) (в том числе глава, посвященная геральдике, с. 148–154).

3. Wittyg W. Dziadulewicz S. Nieznana szlachta polska i jej herby. Krakow, 1908. Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929.

4. Czyżewski P. Alfurkan tatarski prawdziwy... [s. l.], 1616.

5. Dziadulewicz S. Herbarz... S. 331; геральдическая картотека Э. Римши (Вильнюс). Приведенные здесь рисунки находятся на печатях кн. Мортузы Маликбашича (1540) г., Келдовлетя Алеевича (1591 г.) и князя Яна Агишевича Ширинского (1595, на геральдическом щите с его инициалами).

6. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Д. 130. Л. 9 об.

7. Там же. Д. 130. Л. 9 об.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). ф. 1343. (Департамент Герольдии Правительствующего Сената). Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). ф. 319 (Минское дворянское собрание); Центральный государственный архив Литвы. ф. 391 (Виленское дворянское собрание).

11. ЦГИА Литвы. ф. 391. Оп. 1. Д. 289. Лл. 1–4.

12. РГИА. ф. 1343. Оп. 31. Д. 1922. Л. 5.

13. Там же. Оп. 29. Д. 1210. Л. 9–10.

14. Там же. Оп. 16. Д. 1312. Л. 40.

15. Dziadulewicz S. Herbarz... S. 156, 263. См. РГИА. ф. 1343. Оп. 17. Д. 296. Л. 39 об. (оттиск печати отставного подполковника Захария Ивановича Корицкого, 1843).

16. ЦГИА Литвы. ф. 391. Оп. 4. Д. 1669. Л. 1. В определениях Виленского (1819) и Белостокского (1828) дворянских собраний герб Мухлей назван Рудница (но в традиционном гербе Рудница подкова "обнимает" стрелу, нет желтых (золотых) литер над подковой, в нашлемнике не желтый (золотой) полумесяц, а три страусовых пера, щит рассечен лазурью и серебром, а в приведенном здесь гербе целиком лазуревое. Позже семья Мухля употребляла на печатях обычный герб Рудница. Вероятно, в этом случае старый родовой герб был отождествлен со сходным польским гербом и "вытеснен" последним. Первоначальный, собственный герб Мухлей, следовательно, должен был признан самобытным памятником (герб Мухля [Muchla], или Рудница с изменением).

17. НАРБ. ф. 319. Оп. 2. Д. 692.

18. Там же. Д. 1728. Л. 1.

19. Там же. Д. 9. Лл. 57 об., 68.

20. Dziadulewicz S. Herbarz... S. 47, 163. См. рис. (княжеский герб Кричинских – Радван с изменением).

21. Herbarz Krolestwa Polskiego. Warszawa, 1853. Cz. 1–2. Spis szlachty Krolestwa Polskiego. Warszawa, 1851.

22. РГИА. ф. 1343. Оп. 49. Д. 1866.

23. Там же. Д. 189. Л. 8. Но, кстати, гербом Лук пользовался другой род Ассановичей, а предки Л. Б. Ассановича первоначально доказали дворянство с гербом Акшак (о чем, вероятно, ему не было известно).